

Ратоборцы

Автор:

[Сергей Гончаров](#)

Ратоборцы

Сергей Гончаров

Идёт Ливонская война. В стране неспокойно. Польско-литовский князь подсылает к Ивану Грозному наёмных убийц. При помощи провокаторов крымский хан разворачивает деятельность по подрыву православной веры и авторитета русского царя. Храмы оскверняются, происходят убийства служителей церкви. Ивану Грозному преподносят странный подарок – снежную кошку – зверя «доселе невиданного». Приближенные царя видят в этом дурной знак – наступают лихие времена. В это время в столицу прибывает монах древнего православного ордена ратоборцев Тихон. Ему предстоит в одиночку остановить угрозу, нависшую над Русью.

Глава 1

Лето 1560 года выдалось жарким. С запада падали последние, скупые лучи. Крест на погосте пах свежесрубленным деревом. Знойный воздух наполнила ночная мошкара. Тихон склонил русую голову. Перекрестился. В свои двадцать лет он в седьмой раз покидал стены Обители. И впервые видел поруганным дом божий.

Заходившее солнце отчетливо освещало пентаграмму, выведенную кровью на закрытых дверях деревянной часовни. Место иконы над входом пустовало.

Неподалёку, в селе, забрехала собака. Тихон опустил котомку в потрескавшуюся от дневной жары дорожную колею. Придержав рясу, стал на колени. Дрогнувшим голосом зашептал «Отче Наш». Отец Настоятель с младенчества

учил их оберегать Свою Русь и Свою Веру. Защита Отечества становилась кровью иноков древнего Православного Ордена Ратоборцев.

Тихон поднялся. Медленно выпрямился во весь свой немалый рост. Собака замолкла. Он бросил ещё один взгляд на оскверненную часовню. Подхватил котомку и лихим движением перекинул на спину. Быстрым шагом направился к селу, чтоб успеть засветло.

Идти осталось недалеко. Переночует в селе, а ближе к полудню уже попадёт в Москву. К протопопу Сильвестру, приближенному Иоанна Васильевича. Тихон точно не знал, чем будет заниматься в столице. По словам Отца Настоятеля, следовало явиться в Кремль и ждать дальнейших указаний. Постоянные тренировки с младенчества учили монахов-воинов не сомневаться в старшем руководстве Ордена. Если Отец Настоятель сказал «надо», значит, «надо» сказал Бог.

Священник жил сразу за околицей. В одном из незакрытых окон горела свеча. Батюшка читал. Собака учуяла чужака и подала голос. Тихон пошарил рукой крючок на внутренней стороне калитки. Разбрехался и соседский пёс. За ним ещё один. Иноку надоело слушать лай. Перемахнув через небольшой забор, он уверенно направился к сням. Навстречу из темноты, захлебываясь лаем, выкатился защитник двора. Несколько раз касался рясы, порывался цапнуть, но так и не решился. Тихон мог одним движением прекратить жизнь этой твари господни. В Обители его многому научили для защиты родины. Но ещё в него вложили чёткое понимание того, что большая сила налагает большую ответственность. Отчего применять её дозволено лишь против врагов Руси и хулителей Православной веры.

Один раз пёс всё же укусил за икру. Монах-ратоборец, казалось, и не заметил. Он ожидал от собаки этого поступка, поэтому сумел подготовить плоть. А человеческое тело способно на многое и в Ордене Ратоборцев об этом издревле знали. Собака цапнула ощутимо. У любого человека выступила бы кровь. Только не у Тихона.

Скрипнули петли. На порог, с огарком свечи, босиком, вышел полненький священник в подряснике. В его всклокоченной бороде застряли крошки хлеба. От избы пахло смесью приятных и умиротворяющих запахов.

Пёс, при появлении хозяина, попытался выслужиться. В тройне агрессивней кинулся на пришельца. Кусал за ноги. Попытался ухватить за руку. Но вместо этого, неожиданно, получил шлепок этой рукой по морде. Ещё больше обидевшись, с особенным ожесточением вцепился в ногу ночного гостя. Но сразу отпустил. Камень кусать неприятно.

- Христос посреди нас, сын мой, - тягучим и красивым голосом произнёс священник.

- И есть и будет, - остановился инок возле хозяина избы.

Даже несмотря на то, что Тихон стоял на земле, а священник на двух ступенях, гость был на полголовы выше.

- Что здесь произошло, Батюшка? Кто осквернил?

Эти вопросы и нулевая реакция на злющего кобеля окончательно убедили Отца Алексия, что перед ним член легендарного Ордена Ратоборцев. Защитник земли Русской и веры Православной. Они редко выходили их своего монастыря, из-за чего в церковной среде об этих монахах ходило много легенд. К мирянам об Ордене добивались и вовсе обрывочные сведения.

Пёс по-прежнему бегал вокруг гостя, кусал за ноги. Но Тихон этого, казалось, не замечал.

- Прошу, пожалуйста, - немного смутился Отец Алексей. Он отошёл чуть в сторону, пропуская ночного посетителя. Пёс, обезумевший от игнорирования, порывался заскочить в дом, но священник преградил ему ногой путь. Захлопнул дверь.

Изба у Отца Алексия оказалась тесной, хотя снаружи выглядела большой и вместительной. Лавки пустовали. Лишь на одной, укрытый старым и вытертым тулупом, кто-то лежал. Пляшущий свет огарка в руках местного служителя Господа не давал разглядеть большего. Тихон перекрестился на красный угол. Поклонился в пояс. После ещё раз перекрестился.

- Батюшка, семью после... после этого спрятал? - поинтересовался Тихон.

– Да, сын мой, – священник смотрел на ратоборца снизу вверх. Теперь, когда их не уравнивали ступеньки, телосложение и рост гостя ещё сильнее бросались в глаза. Отец Алексей поставил огарок на стол. – Увёз подальше, что бы ни дай Бог... Не случилось чего. Присаживайся, сын мой, – указал на лавочку.

– Не дай Бог, – Тихон поставил котомку на пол. Сделал два шага к ближайшей лавке. Тонким голоском скрипнули под его весом половицы. Подобрал рясу, он осторожно присел на предложенное место. Тело сразу налилось усталостью. Из Обители он вышел пять дней назад. И за весь пройденный путь спал лишь четыре часа. Рассчитывал нынешней ночью уже быть у протопопа Сильвестра. Но всё равно не успел. Захотелось прилечь и закрыть глаза. Уснуть. Человек на лавке напомнил о себе слабым стоном.

Отец Алексей разглядывал неожиданного ночного посетителя. Всё же не верилось, что столкнулся с живой легендой. Он помнил сказания об Александре Пересвете и Родионе Ослябе, ратоборцах, сражавшихся на Куликовом поле. Говорили, что Орден основал Александр Невский, после битвы со шведами. Может быть, хозяин избы знал ещё какие-то сведения, но все они вылетели из головы, стоило столкнуться с представителем Ордена Ратоборцев. Конечно, он мог и ошибаться, но спросить гостя напрямую почему-то стеснялся.

– Третьего дня, сын мой, – начал священник. – Повечеру кто-то ворвался в храм божий, истерзал иконы... Если бы только это... – глубоко вздохнул Отец Алексей. – Дьякона моего... Петра...

Тихон увидел, что из глаз святого отца покатались крупные слёзы, губы задрожали. Пальцы часто-часто перебирали полу подрясника.

– ...Петра повесили... на балке... вспороли... и кровью...

Отец Алексей замолк. Больше он говорить не мог. Но иноку продолжать и не требовалось. Понятно, чьей кровью написана пентаграмма на дверях часовни. Понятно, чей свежесрубленный крест на погосте. Непонятно лишь кто и зачем это сделал?

Под старым и вытертым тулупом заворочались. Тихон бросил мимолётный взгляд в ту сторону. Он чувствовал, что-то здесь не так. Если священник спрятал семью, то кто тогда в избе? Почему в такой жаре прячется под зимней одеждой?

Инок смиренно и терпеливо ждал, когда иссохнут слёзы святого отца. И, наконец, дождался. Отец Алексей протёр рукавами глаза. Затем встал, прошёл к иконам. Несколько минут молился. После вернулся на лавку.

– Сын мой, ты из Ордена? – просящим взглядом посмотрел он в глаза ночного гостя. Больше всего в этот момент Отец Алексей боялся услышать «нет».

Тихон кивнул. Он уже немного остыл от первоначального потрясения из-за осквернённого жилища Господа нашего. Отец Настоятель учил, что абсолютно всё надо совершать только в спокойных чувствах. И даже если поругана Русь Святая, всё равно требуется привести в порядок свои чувства, и только потом, бросаться на её защиту.

«Наши злые эмоции – наш первейший враг» – иногда приговаривал Отец Настоятель, а ратоборцы внимали каждому его слову.

– Да, Батюшка, – кивнул Тихон. – Из Ордена. Кто это сделал?

– Я не знаю, – опустил голову священник. – Точно не здешние. Нет здесь тех, кто способен хоть на половину такого...

– А кто был? Проезжал недавно? – инок бросил ещё один короткий взгляд на человека под тулупом. Точно не ребёнок. Может Матушка? Тогда зачем её прятать?

– Здесь каждый день много народа проезжает. Москва рядом.

– Такое не каждый может сделать, – Тихон пристально следил за Отцом Алексием. У него и в мыслях не было подозревать в чём-то этого человека. Просто была какая-то странность. И Тихон её не понимал. – Только тот... – не смог он подобрать слова.

– У кого Бога в душе нет.

– Или у кого другой бог, – продолжил ратоборец, демонстративно посмотрев на человека, спрятанного под тулупом.

Уловка сработала. Отец Алексей замер, словно окаменел. Неизвестный снова тихо застонал. Инок встал и подошёл к лавке. Дёрнул вытертый тулуп. В доме священника лежал басурманин. Худощавый, с жёсткими чёрными волосами, тонкими усиками. Его глаза закатились, губы нервно подрагивали. На смуглом лице виднелся пот. Кожаная рубаха на груди подрана. Четыре неглубоких параллельных пореза остались на теле иноземца. Тихон, примериваясь, приложил к ним руку. Такие раны мог оставить медведь. Странными казались края. Они не заживали и покрылись зелёной слизью.

– Сын мой... – донёсся тягучий голос священника. – Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить. Это не он сделал. Третьего дня этот несчастный уже лежал здесь. Из-за того, что он бился в горячке, я не смог пойти... Он мне жизнь спас.

– Батюшка, а где и когда вы его нашли? – ратоборец внимательно рассматривал раны на груди басурманина.

– Пятого дня здесь проезжал Яшка. Купец московский. Уж не знаю, что он вёз, и откуда у него такие люди... Но после него и появился этот несчастный. Самому выходить его что-то не получается, а кому показать... растерзают ведь бедного, – слышалась скорбь в голосе священника.

Теперь Тихону стало всё понятно. И действительно, если обратиться к местной знахарке, то вскоре придёт всё село. А толпе уже ничего объяснить и доказать не получится. Разгневанные прихожане растерзают басурманина.

Спать после долгой дороги хотелось страшно. Глаза сами закрывались.

– Батюшка, а в округе есть медведи? – инок накрыл несчастного. Вернулся на лавку.

– Что ты, сын мой?! Откуда ж им здесь взяться? Поизвели их всех давно! В Москве, у царя-батюшки, слышал есть. А в округе...

– Но кто-то ж ему эти раны нанёс? – Почесал Тихон заросший в дороге подбородок. В Обители запрещалось носить бороду, чтобы в бою, никто не мог за неё схватить.

– Поговаривают, что вёз Яшка с собой какую-то клеть накрытую. И зверя в ней какого-то диковинного. Ребятишки заглядывали, но рассказывают что-то странное и несуразное. А потом вот... Пётр... часовенька, – тяжело вздохнул Отец Алексей.

Тихон ещё посидел, пытаюсь собрать воедино услышанную информацию. Главное, что этот басурманин не при чём. Но ведь осквернить жилище Господа могли и его сообщники. Голова уже отказывалась связно мыслить. Глаза слипались. До утра всё точно может подождать.

– Простите, Батюшка, – широко зевнул инок. – С дороги я уже...

– О, Господи! Помилуй недогадливого! – запричитал священник.

Он провёл гостя к одной из лавок. Самой длинной и широкой. Судя по всему своей. Пожелал добрых снов. Ответить Тихон не успел. Он так стремительно проваливался в сон, будто летел в пропасть. Меньше чем через минуту уже крепко спал.

Ночью разбудило чье-то бормотание. Ратоборец перевернулся на другой бок и попытался не обращать на него внимания. Сквозь сон подумалось, что это Брат Макар молится. Он много раз за ночь просыпался, чтобы помолиться. Тихон, живя с ним в одной келье, за несколько лет привык. Но всё равно от шорохов и бормотания часто просыпался. Зашуршало. Тоненько скрипнули половицы.

– Тихо, дорогой, тихо, – на пределе слышимости произнёс отец Алексей.

Тихон повернулся. Басурманин широко раскрытыми глазами смотрел в потолок. Что-то залопотал. Да настолько быстро, будто старался успеть до утра пересказать собственную жизнь в самых мельчайших подробностях. При свете лучины священник влажным лоскутом протирал лицо и грудь израненного, там, где это было возможно.

Иноку вспомнилось, как он сам захворал подобным образом. Как его выхаживали всей Обителью. Ему тогда было девять или десять. Начался сильный жар. Поначалу мерещилось непонятное. Будто прыгнуть в окно хотелось, но при этом казалось, что окно в келье украл какой-то нехороший человек. А потом он видел

ангелов. Разговаривал с ними, пел. За него молилась вся Обитель. Братья по очереди дежурили у постели больного. Бог миловал. Четыре дня держался у Тихона сильный жар. Потом начал спадать.

- Ирвиз! – тонким голосом воскликнул басурманин. – Ирвиз!

Сон затягивал молодое тело в свои объятия. Инок попытался открыть глаза.

- Ирвиз, – громко прошептал больной.

А в следующий миг Тихон уснул.

Когда он открыл глаза, в окна падал первый утренний свет. Повернувшись на спину, инок произнёс:

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа и сподоби мя, Господи, в день сей без греха сохраниться.

Отца Алексея в избе не оказалось. Тихон посмотрел в окна. Не увидел священника и во дворе. Тогда подошёл к иноземцу. Не давали покоя раны на его груди. Что за зелёная слизь на краях?

Под вытертым тулупом лежал мёртвый басурманин. Глаза на выкате, распухший язык вывалился изо рта. На губах кровавая пена. Живот впал, а лицо побелело и приобрело хищные черты.

Тихон ещё раз осмотрел раны. Выглянул в окно, не идёт ли Отец Алексей, который, судя по всему, пошёл разговаривать со старостой о погребении чужака.

Никого. Лишь пёс бегает по двору.

Тогда ратоборец вернулся к трупу. Опустившись на колени, понюхал рану. Запах, как и полагалось – отвратный. Тогда он окунул палец в слизь и лизнул его.

В Обители их учили различать яды. Противостоять им. Против самых распространённых им с детства вырабатывали иммунитет. Отец Настоятель

много раз упоминал, что враг, не сумев сразить ратоборца оружием, попытается убить его хитростью.

Вкус оказался незнакомым. И совсем не походил на яд. Хотя, по сути, ничем иным быть не мог. Вот только характер царапин, говорил о том, что это сделал хищный зверь.

Тихон накрыл тело басурманина тулупом. Несколько минут простоял, размышляя над сложившейся ситуацией. Затем раскрыл котомку. Достал белую крестьянскую рубаху, расшитую красными петухами, и конопляные штаны. Переодевшись, старую одежду сложил обратно в котомку. Поцеловал нательный крест и спрятал его под рубаху. Встал на колени в красном углу. Доски печально скрипнули. Шёпотом прочитал молитву Николаю Угоднику. Затем резко поднялся. Уходить, не попрощавшись, не хотелось, но выбора не оставалось. Инок лихо закинул котомку на плечо. Грузно ступая, вышел во двор. Пёс с устрашающим лаем кинулся к пришельцу. Ратоборец увернулся от броска животного, одновременно схватил того правой рукой за шею. Пёс пытался укусить человека, затем хотя бы поцарапать, под конец уже просто вырваться... Охранник подворья никогда не чувствовал себя настолько беспомощным и униженным. От душившей обиды он обмочился. Инок так собаку и донёс – на вытянутой руке к самой калитке. И лишь там отпустил. Очутившись на земле, пёс бросился в будку, где забился в дальний угол и тихо заскулил. Впрочем, к приходу Отца Алексия, он уже бегал по двору и громко облаивал редких прохожих.

Глава 2

Ежи Михаловский, посол Сигизмунда Второго Августа, с раннего утра ждал гостей. Для этого пришлось арендовать у знакомого плотника дом на углу Кривоникольского переулка. Плотник пошёл на сделку из-за сына, которому Ежи недавно помог скрыться от карающей длани Иоанна Васильевича. В этом решении сыграла свою роль и крупная сумма, которую посулил Ежи – посол Сигизмунда.

Неделю назад прибыл гонец от Князя Литовского и Короля Польского, с письмом, где под гербовой печатью значились несколько указаний. Ежи сразу понял, что

дело нечисто. И с каждым днём убеждался в этом всё сильнее и сильнее. Король втягивал его в авантюру... Нет. Король приказывал ему пойти на авантюру ради отечества. И у Ежи просто не оставалось выбора. Как и значилось в указаниях, он снял дом, куда вот-вот должны были прибыть трое секретных посланников Сигизмунда. Согласно распоряжениям, о них никто, включая хозяина арендованного дома, знать не должен. Поэтому пришлось выложить плотнику круглую сумму за пустое подворье и гробовое молчание. С собой Ежи взял лишь верного слугу – Блейза.

В плотницкий дом посол прибыл затемно и всё утро шатался по нему, как привидение. На рассвете в ворота постучали. Проинструктированный Блейз открыл двери. Провёл визитёров поначалу в мастерскую, которая занимала весь первый этаж. Там секретные гости скинули маскировочное тряпье. Когда Ежи услышал на лестнице многочисленные шаги, то приосанился. Круглый обеденный стол был идеально вычищен. Двери в другие помещения закрыты. Пахло свежим деревом. Впрочем, за часы ожидания, польско-литовскому послу начало казаться, что он и сам стал распространять запах свежей деревяшки.

Первым вошёл высокий мужчина с клиновидной бородкой. Худые и длинные руки плетью свисали вдоль туловища. Колючим взглядом он впился в посла Сигизмунда Второго. Ежи стало неудобно от этого взгляда, почувствовал себя нашкодившим ребёнком. Даже если бы он увидел этого человека просто на улице, то сразу бы догадался о его происхождении. Резкие движения, неуместный в московской жаре модный европейский камзол, аристократическое лицо с налётом благородного разбойника. Такой типаж Ежи встречал лишь среди англичан.

– Меня зовут Ирвих, – с порога представился гость. – А ты, как я понимаю...

– Ежи, – посол поднял грузное тело со стула. Он много путешествовал, имел феноменальную обучаемость к языкам, поэтому сразу догадался, что посланника Сигизмунда скорее всего звали Ирвингом, но по какой-то причине тот немного переименовал собственное имя.

– Это, – указал Ирвих на вошедших следом мужчин. – Томас и Вит. Мои помощники.

Блейз пропустил гостей и закрыл дверь. По заведённой традиции он отправился на кухню, чтобы приготовить для всех чай. Ежи любил этот напиток. Тратил на него бо?льшую часть средств и неизменно производил на визитёров впечатление зажиточного человека.

С Витом, поляком, Ежи уже встречался. Он не помнил, где и когда видел этого немолодого и сутулого человека. Может при дворе, а может и у кого-то в свите. Кажется, даже разговаривал. Но дальше учтивых реплик, брошенных друг другу, дело тогда не сдвинулось. Вит придирчиво осмотрел плотницкую столовую. Не прикрывая рот рукой, зевнул.

«Нет, – подумал Ежи. – При дворе я его точно не видел».

Последний из посланников Сигизмунда, Томас, показался ему латышом с неприметной внешностью. Молодой блондин, некрупного телосложения. Про него король соизволил написать отдельно. Якобы этого человека под любыми предложениями нельзя выпускать одного на улицу. Чтоб не наломал дров и не испортил всё дело. Его брата-близнеца убили русские, поэтому большего русофоба ни в Польше, ни в Литве найти невозможно.

Ирвих присел напротив Ежи. Два его помощника по обе стороны от него. Англичанин не отрывал от посла колючего взгляда.

– Мы можем здесь говорить?

– Вполне, – кивнул посол. – Я всё сделал согласно указаниям моего короля. В этом доме нет посторонних. Едой вы будете обеспечены. Все необходимые связи через...

Ежи замолчал на полуслове. На столе появился двухзарядный пистолет с колесцовым замком. Посол так и не понял, откуда Ирвих вытащил оружие.

– Связи через меня, – закончил он. – Сегодня же я пришлю своего слугу...

– Никого ты не пришлешь, – грубо перебил англичанин. – Тебя ясно и чётко написали. Помогать и содействовать во всём. При этом держать всё в строжайшей секретности. Что-то не понятно?

Ежи захотелось провалиться сквозь землю под колючим взглядом Ирвиха. Но уже в следующий миг его разобрала злость. Да кто такой этот англичанишка, чтобы ему указывать?

– Я не знаю, кто ты и зачем сюда приехал, но если будешь разговаривать со мной подобным образом... – Ежи навалился локтями на стол. – То я...

– Что? – улыбнулся Ирвих. Его подручные тоже заухмылялись. – Заканчивай игру словами. Мы проехали такое расстояние не для того, чтобы в этой варварской стране с тобой препираться. Есть приказ короля: убить русского государя. И тебе, вместе с нами, придётся его выполнять.

Самые худшие опасения Ежи подтвердились. Он уже пожалел, что ввязался в это дело. Хотя, как он мог отказаться? Для этого следовало умереть.

– Я вам предоставляю кров, прочую необходимую помощь оказываю, а вы как-нибудь сами... – посол чувствовал, как задрожал его голос. Взгляд же не мог оторвать от пистолета на столе.

– Нет, достопочтенный, – со сталью в голосе произнёс Ирвих. – Ты участвуешь вместе с нами. И вместе с нами затем уезжаешь из этого богом забытого места. Тебе всё понятно?

Повисло гнетущее молчание. Бледный Ежи таращился на пистолет, а гости смотрели на посла. Ежи тяжело сглотнул.

– Отравить царя не получится, – полушёпотом произнёс посол. – У него...

– Никто его травить не собирается, – хлопнул Томас ладонью по столу. – Я сам порежу эту собаку! – вмиг в его руках появился длинный и острый нож, словно Иоанн Васильевич уже находился в комнате.

– Мы не будем полагаться на яды, – Ирвих недвусмысленно посмотрел на лежавшее перед ним оружие. – Мы его убьём без лишнего шума и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/goncharov_serгей/ratoborcy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)